

Сказочник Антон Игнатъевич Кошкаров (Чирошник)

О трёх богатырях – Вечернике, Полушнике и Световике

Жил-был царь Еруслан. Славно управлял своим императорством. Везде гремела слава о нем, только одного не хватало ему – детей не было, а то всем был счастлив. Этот царь впадал часто в грусть от этого; так хотелось ему детей, что полцарства не пожалел бы. Однажды царь сделал вечер, собрал думщиков, сенаторщиков. Кто во что горазд. Потребовал рассказчика, такого же хромого, Антона. Заходит он на бал, поклонился всей публике.

– Могу, – говорит, – из старины рассказ рассказать.

– Очень хорошо, – говорит царь Еруслан. – Мне и музыки не надо.

Начал он свой рассказ. Об одном человеке бездомном, много перестрадавшем, а потом блага выслужившим.

Вот только успел рассказчик рассказать, выходит старик. Король взглянул на старичка и тот умильно посмотрел на него и говорит:

– Император, я прожил свои года. Вы счастливы всем, одного только нет в ваших руках – не достигли вы детей. Живете вы, и жизнь вам не в жизнь. Какие вы обещанья ни давали, какие вы добрые дела ни свершали, – и все вы без детей. Я хочу предсказать, какое счастье или неудача ожидает вас впереди. Теперь позвольте, ваше величество, вашу руку, можете ли достигнуть детей.

Король встал, показывает ему свою руку; тот посмотрел, линии там какие идут, посмотрел на неё, погадал и говорит:

– Ничего, ваше императорско величество, не печальтесь: ваше счастье впереди, ждёт вас; только не жалеите награды. Я скажу всю правду при народе: поезжайте вы на рыбну ловлю, закидывайте тонь. Спросу сто рублей тонь, платите вдвое; кинут вторую тонь, заплатите втрое; две ваши, а третья – бедняков. Что получится из тони какая рыба, принеси домой, отдай её кухарке, пусть кухарка изжарит, и рыбину эту пусть съест ваша супруга, и вы увидите: иметь будете детей.

Обрадовался король:

– Правду ли ты говоришь, старик, и где ты живёшь, чтобы наградить тебя?

– Я живу в городе, в такой-то улице.

– Я испытаю, старик, а если солгал, то за ложь свою наказание будет тебе большое.

– Я говорю правду, – отвечат старик, – потом все сами увидите, правду ли я говорил али нет.

Повернулся, поклонился всем, королю и народу и ушёл.

Покончили бал, разъехались гости. Король сидит да думает.

Предсказывали мало ли, а всё пустое выходило после. Старик наврал, наверное.

Наутро проснулся король, никому ничего не сказал и на пристань к рыбакам:

– Здорово, ребята!

– Здравствуйте, здрасте, ваше императорское величество!

– Ну, как лов?

– Бывает и хорошо, бывает и плохо – без этого нельзя; раз на раз не приходит.

– А нельзя ли, братцы, тонь на моё счастье закинуть, – говорит король.

– Можно, можно закинуть, рады стараться для вашего величества.

– А сколько же это будет стоить?

– А сто рублей будет тонь стоить.

– Ничего, кидайте, плачу!

Невод выбросили, поплыли на лодках; несёт морской ветер, вёрст на пять залив захватили и тяжело, слышат. Начали воротами тянуть. Тянут-тянут, тянут-тянут – ещё не близко, а уж сажень на пять на берег хлынула рыба, мотня ещё далеко; как не порвался невод, просто удивительно. Нагребли, натаскали, навалили такой зарод этой рыбы, что хоть назад вываливай.

– Давай теперь, – говорит король, – берите извозчиков, везите и сваливайте её в амбары.

Потом беднякам раздали эту рыбу, и часть рыбакам отдал. Рядились тоню за сто – платит двести.

Первое счастье, как говорил старик, выходит; вторую тонь поймали тоже, но поменьше на часть какую-нибудь там, ну тоже здорово. Третью тонь бросили, совсем легко плывёт.

– Бросим, ваше императорское величество, – тонь простая.

– Нет, вытаскивайте всё равно, – говорит, – плачу за пустую, давай вытаскивай!

Тянут тонь на берег, ничего в ней нет.

– Ну, – говорит, – простая!

Выбрали мотню на берег, – а в мотне оказалась чудная рыбка: пёрышки на ней червонного золота, чешуйки серебряные, а глаза, как огоньки, горят. Берёт король рыбку в карман, расплатился с рыбаками, сел и приезжат во дворец. Заходит прямо на кухню и подаёт эту рыбку кухарке, приказывает сготовить её царице. Берет эта девка, которая готовит пищу императрице, и начинает её варить. Ну там коренья разные, корица, гвоздика – сама того рыбка не стоит, сколько там приправ разных для духу. Варила, варила эту рыбку, колупнула под пёрышки, попробовала. Туда-сюда, другого пёрышка колупнула, опять попробовала. Потом третий раз попробовала рыбку эта девка и, конечно, почувствовала трепещенье в животе. А она была невинна эта девка.

Губернанка была она у царицы. Испугалась эта: что такое, день ото дня растёт у ней живот; сделалась больная, там поставили другую, сама императрица ухаживает за ей, что такое? А ей уж стыдно показываться: должна девка быть непорочна, ан вон что выходит.

Ну, видит она, что дело неладно, взяла узелочек, собрала, что своё, и ночью вышла из дворца, и никто – ни дворовы, ни часовые не могли её увидеть; и ушла дальше, дальше, в царской лес – для охоты лес был; пришла в караульную будку и поселилась в этой будке.

Прожила месяц, – провизия выходит, фрукты нашла.

Ладно. Дожила до девяти месяцев, пришло время рожать ей. Вот она начала мучиться. Дело было этак ещё солнце только садилось; родился у ней мальчик. Прекрасно. Родила она мальчика, обмыла его, завернули в пелёнки, положила. Сама больна лежит. Вдруг этот мальчишка зашевелился, вскакивает на задницу и говорит:

– Мама, позволь мне по лесу погулять, вам ягодок порвать.

Она испугалась.

– Это, – говорит, – дух. Зачем он живой родился, лучше бы умер. Надо его задавить.

– Зачем, мама, меня давить, – говорит мальчишка, – лучше пусти меня.

Он, как мышонок, проскользнул в дверь и ушёл.

Пришла полночь, она родила второго, а этот тоже так: поднялся, вскочил и скользнул в дверь.

– Сгиньте вы с моих глаз, – говорит бедная мать, – и откуль что уж это со мной сделалось.

Сидит, уж зорька стала, светать начинают. Она начала мучиться опять и опять родила третьего сына; и этот опять так же – в лес погулять. Прибрала она, поднялась, какая после женщины грязь остаётся, и легла опять на ложе.

Трое суток их не было. На четвертые сутки приходит первый сын, принёс козла дикого.

– Вот, – говорит, – мама, я поймал живого козла – ты будешь готовить, а мы будем кушать.

Что такое, даже ножа нету кожу снять. Ну, тут старик раньше жил, нашли под маткой ножик. Содрали кожу с козла, приготовили ужин. Только они сели ужинать, приходит второй сын, приносит лося; и этого лося второй не стал обдирать, а взял его за рога, тряхнул и вылетел этот лось из кожи. За ним явился третий, притащил лань (третавик). Тогда они засели за стол, стали закусывать. Одежи они не имели, так нагие и ходили; и прошло примерно всего три дня и стали они настоящие мужчины – вот как росли чудно!

Один раз как-то заводит речь Световик (на рассвете родился):

– Надо нам одежду сделать из этих кож.

Накроили ремней, сделали вроде как фартуки, чтобы перед хоть закрыть, – и так, как дикари, ходили года два, три: имали зверей, настроили луки, сделались хороши силачи, подходящими. Имя сказала мать:

– Который вечером родился – Вечерник, в полночь – Полуношник, а последний на свету – Световик.

А ум дарован им – откуда что! И стали говорить, и мать покоить; языки также понимали. Наконец, прошло года три, пошёл четвёртый. Был майский тёплый день, так, числа пятнадцатого. В это время все три брата лежали в лесу и разговаривали о своей жизни. Вдруг подымается шум. Световик вскочил:

– Что такое, или погода надвигается?

Взглянул – летит идолище трёхглаво и несёт красавицу, держит в когтях девицу. Тогда Световик крикнул своим братьям:

– Поймаем проклятого идолища и отобьём красавицу, смотрите: он уносит её в когтях, а вы лежите!

– А мы что можем сделать, – отвечают братья. Подходит тогда Световик к дереву, схватил его обеими руками, вырвал с корнем из земли и бросил вверх. Идолище свистнуло и сразу, будто осень, кругом уж лес посыпался, и пролетело. Крикнул Световик братьям:

– Лентяи! Если бы мы все трое напали на него, то, глядишь, и отбили бы девушку!

А они отвечают ему:

– Ты, вон, какой здоровый – целым деревом хлестнул его, а мы что, палочкой будем бросать. Сели братья, сидят.

Идолище улетело лесом. Немного погодя, зашумел опять лес: несётся идолище девятиглавое и в когтях тащит девицу-красавицу. Да, он опять также загорелся, ухватил само толсто дерево да как пустит им, едва-едва не убил идолище. Но улетел он всё-таки. Немного повременили, третье чудовище, ещё тошней прежнего. Световик совсем разгорелся:

– Надо отбить! Видите, красавицу опять тащит, видите! А откуда это они таскают?

Приготовился Световик, как поравнялся идолище с ним, тот его деревом. Крикнуло идолище, едва устоял Световик на ногах, а у братьев кровь из ушей подалась. К вечеру приходят они домой, поели, сидят.

– Эх, – говорит Световик, – что такое. Какие у меня братья, не могли помочь мне в таком деле!

И потом обращается к матери:

– Какое чудо, мамаша, случилось с нами: лежим мы в лесу, вдруг поднимается страшный шум. Глядим, летит идолище трёхглавое и несёт в когтях прекрасную девицу. Немного время спустя зашумел опять лес, несётся второе идолище девятиглавое, тоже держит в когтях красавицу. Только улетело это идолище, летит над лесом двенадцатиглавое, несёт третью красавицу; и улетели все за лес и красавиц унесли, и мы не могли остановить. Такие они ужасные, что на них страшно посмотреть было, от крику их лес сыпался, и мы глухие лежали целых полсуток.

– Так что же это такое, – говорит мать, – оне по воздуху летят, а вы пеши – что же вы могли с имя поделать? Посмотрели и то ладно.

– Эх, мамаша, – говорит Световик, – я не могу перенести это, хочу помочь этим красавицам; нельзя описать, как будут оне мучаться у гадов.

– Ну что же вы будете делать? – говорит мать. – Нет у вас оружия, даже одёжи путной нет.

– Да, а я бы пошёл их искать по всем странам.

Ну поговорили так и стали собираться на охоту.

Не успели они из избы выйти, подъезжат свита, поехали на охоту. Заходит к ним государь в будку:

– Ах, тут какие есть люди?

– Да, – говорят, – есть люди...

А та прикрылась шалью: чтобы её царь не узнал беглянку – будто больная.

– Что за люди вы и откуда? – спрашивает опеть государь.

– Свои, ваше императорско величество; мы живём здесь незаконнорождённые, вот мать наша.

– Сколько времени проживаете?

– Четвёртый год.

Сел, задумался. Скамейка тут была, опустился на скамейку, а тут товарищи его – свита.

– Ну, чем занимаетесь здесь?

– Занимаемся мало чем, так, для пропитания: где животину убьём, так и кормимся; из шкур одежду делам себе.

– Чем бьёте? – спрашивают царь

– Самодельными луками стрелям и так убиваю.

– Где, покажите, ваши луки и ваши стрелы?

– Пожалуйста, пойдём покажем.

А у них там наделано было их оружия: стрела – целая дубина, убить человека можно, а лука – лесина, перевитая ремнями сырыми, как натянется потуже, так она, матушка, идёт версты полторы. Лось не мог уходить – насквозь одного пробил, так наземь и рухнулся.

– А ну-ти, – говорит царь, – кто дальше пустит стрелу?

Побрали братья свои луки, повышли на чисто место. Первый стал Вечерник, прицелился, пустил стрелу, улетела стрела на полверсты; за ним второй брат, Полуношник, – улетела стрела на целую версту; после всех выходит Световик: натянул он свой тугой лук, как пустит стрелу – загудела, на три версты ушла и не видать, куда скрылась.

– Хорошо, мои подданные, если дать вам по коню богатырскому да по мечу вострому, вы бы были мне годны.

– Да, тогда ни чужестранный враг, ни злой человек не обидит вас, ваше величество, – говорит Световик. – Вы видите, мы в звериных одеждах, кожа закорузла. Известно – растут, шкуры не хватает – разрежут, наставки делают, она раздаётся и опять носят, а лось долго носится. Ваше императорско величество, когда так, мы люди под дикарей живём, ничего не знаем, нам, что мамаша скажет, так и живём по её наукам; вы посмотрите, событие с нами какое было: был такой жаркий день, слушаю – шум большой над лесом, один за другим пролетели три идолица и пронесли трёх красавиц неизвестно куда.

Царь вспыхнул:

– Разве вы видели?

– Я, – говорит Световик, – хотел с имя борьбу объявить, ну несчастье, они летят. Вырывал я деревья, но не мог убить. Пойдёмте покажу. И падал лес, как они закричали от удара, но остановить не мог; так они улетели лесом.

– Хорошо, – говорит царь, – надо посмотреть.

Пошли. Приводит он их: одно дерево, второе, третье; где вырвано, а улетело сажень двадцать с высоты.

– Ох, батюшки, какая яма, хоть дом ставь: вот так да-а-а! Как их образовать, эти люди помогут, моих дочерей добудут.

Это всё от рыбки: те дочерьями в одно время и также выросли. Потом налетели эти люди-духи, магию имели; который магии научится, тот добывал воды, разные обороты знает, и могли летать по воздуху, и чтобы люди их боялись.

Тогда погладил их по голове царь и говорит:

– Молодцы, дети. Жаль только, что у вас ничего нет. Я вас прошу ко мне во дворец; не хочу охотиться, чтобы вы выезжали со мной; у меня всего хватит для вас и для матери вашей.

Пришли в избу и Световик обращается к матери своей:

– Вот, мамаша, наш император просит нас жить во дворец. Что же мы тут живём, как звери, едим одно дикое мясо; одежды у нас нет, только что шкуры эти; и ты все ветхое обносила, ничего тебе не закрывают, – выезжаем с императором.

Мать согласилась и пала к ногам его:

– Простите, ваше императорско величество, провинилась перед вами.

– Я прощаю, – говорит царь, – все собирайтесь, поедим ко мне жить, хочу вас убрать, чтобы не скитались, не пропадали такие люди.

Ну, что им собираться, нет у них ничего, пошли за свитой; мать посадили на лошадь (один вельмож слез – пешком пошёл миль шесть до дворца). Ну, приехали, отвели им дом, поселились они; всё есть: одежду выдали – никака не подходит, на заказ шили. Ну, оделись они, живут. Через некоторо время зовёт их царь к себе. Привели их. Поздоровались они:

– Ну что мы будем делать с вами? – говорит царь.

– А воля ваша, что прикажете, то и будем исполнять.

– Я желал бы вас в училище отдать. Сколько вам лет? – спрашивает царь.

– Четвёртый год, – отвечают братья (вот какие черти!).

– Даже молодые вас в училище отдавать, но всё-таки отдам в училище вас: грамотные можете всё сообразить и больше будете иметь в голове.

Отдали их в училище, им так везло – никогда им не надо было два раза повторять, всё у них готово. Три-четыре года прошло, могли на всех землях на всяком языке разговор понимать: видать, хорошего образования.

Вот царь Еруслан устраивает пир. Созвал на пир гостей, и началось гулянье и танцы. В самый разгар пира вошли люди – три молодца, образованные, приятные. Это были три брата – Вечерник, Полуношник и Световик. Поздоровались они с царём и со всеми гостями. Световик и говорит:

– Ваше импсраторско величество, вот мы кончили своё образование, теперь самая нужная нам – учиться военному искусству, с кем биться, повоевать, в руках силу развить.

– Это с удовольствием, – говорит царь Еруслан, – завтра будут вас шпажным приёмам и всему будут приставительно вас обучать.

Назавтра, как окончился бал, были призваны все три брата: Световик и Вечерник и Полуношник.

– Ну, какие вам нужны мечи и снаряженья? – спрашивает царь. – Кто сколько в развитии своём может орудовать?

Ну, Вечерник просит пудов на тридцать себе меч, а Полуношник – пудов на семьдесят, чтобы палица боевая; ну а копьё я не скажу, которое какое себе потребовал. А Световик говорит:

– Сто пятьдесят пудов мне меч – вот я буду Георг с этим мечом. Щит – пудов двадцать пять на левую руку; шлем – пудов двадцать пять на голову рыцарский, вот мои равные доспехи. Такую силу чувствую на себе, другого размера мне не по руке будет.

Ну, пошли по царским складам, стали подбирать, ну что там – нашли пудов семь палицу, пудов двенадцать – никому из троих не подходит. Стали искать мастеров – нет, что никто не брался такие оказии слить.

Запечалился царь Еруслан. Призвал он своих сынков и говорит:

– Вот, мои милые сыновья, некому для вас сковать такие доспехи. Этим ещё так и сядь, а для тебя, – обращается к Световику, – ничего не добьёмся.

Тогда Световик и говорит:

– Вы пустите нас, ваше императорское величество, путешествовать, может мы найдём себе по своей силе.

– Жалко мне вас отпускать: были у меня три наследницы, и тех унесли змеи проклятые. А вас хотел наследниками сделать, чтобы здесь прославились сами и царство моё прославили.

– А вот мы тогда и прославимся, когда найдём себе снаряжение богатырское и попутешествуем по чужим странам.

– Ну, поезжайте, – согласился царь, – лошадей найдёте на конюшне у меня или перепись устройте, если не найдёте. А то уж – пешие, ниче, видно, не поможешь.

– А мы пойдём и пеши, если не найдём, – отвечает Световик. – И пеши мы все обойдём.

Ну, пошли на конюшню: подходят к какой-то лошади, руку наложут, она падает; обошли всех лошадей самых лучших, а Световик уж и не касался. Прошли все – нет лошадей на царском дворе. Вышли печальные.

– Ну, мамаша, прощай. Живи, и вот мы его рекомендуем, нашего благодетеля; он нас из лесу вызволил, он и тебя не оставит.

Мать заплакала:

– Кто меня защитит без вас?

– Ну ничего, потерпеть надо. Что тут нам прохладяться, будем жить, как бакланы; надо поведать, как люди живут, в других странах побывать.

– Нету у нас коней, – говорит, – как вы пойдёте?

– Ну, как ходили, так и пойдём.

Ну, мать так мать, начала причитать.

– Ну, что тут наставленья нам давать: мы не маленькие. Я поеду не свищу, а наеду не спущу, – говорит Световик.

– Дерзко ты, сынок, говоришь, добра не будет, ежели не станешь поступать по правде, да и мечей у вас нет.

– А мне что попадётся, тем и буду месить, да лошадь, чтоб не запиналась.

– Ну, с богом, идите, – благословила их мать.

Зашли к королю:

– Извините, ваше императорско величество, смотрели, были на конюшне вашей; если дерзко поступить – побить и выбросить ваших лошадей, вам не понравится; ну, годятся они вам на прокат, а нам нейдут.

Попрошались, и так мужиками, без рыцарской одёжи, выходят за городскую заставу.

Шли оне, шли, попались имя три дороги.

– Ну, какой дорогой нам идте? – спрашивает Световик.

– Пойдёмте правой дорогой, права не погубит. Слышал от матери: правда не погубит. Даём клятву перед богом: голод, холод – всё перенести; может попадётся богатырь, достанем лошадь, доспехи, все вместе; али найдём, кто может пригласить на службу; проживём. Здесь нету, в друго государство пойдём.

Сговорились, пошли. Идут день, два, месяц. Идут трущобами, юрами, низкими местами. Потом вышли из лесу, стало редколесье. Смотрят, скала, как стена, посмотреть – шапка валится, и протянулась на многое расстояние. Шли, шли, устали. Попалось им хлебное дерево, подкрепились. Опеть пошли около скалы: «Ну, – думают, – может ущелье или проход попадётся, на другу сторону подадимся».

Вдруг медведь идёт.

– Слушаться одно, – говорит Световик, – с этим медведем нужно сразиться, и что такое, неужели только одного белого медведя и раздобудем. (Никого живого больше не встретили.) А медведь прёт на них. Вот Вечерник пошёл на поединок; медведь сгрёб его в охапку, а Световик и Полуношник глядят, как забрал его медведь, – хлоп об пол и давай топтать лапами.

– Помоги, Полуношник, – говорит Световик.

И того подмял. Пошёл братьев выручать Световик:

– Что ты, белый медведь, разве ты нас хочешь всех помять, – не много ли тебе будет?

Медведь загрёб Световика, тот как приподнялся, как хлопнет медведя об пол, тот как <...>, и шкура лопнула, и оказался старик; глазами поглядел, слова не может сказать – так он его пришил.

– Ах, Световик, – говорит, – не губи меня, покоряюсь. За это напою, накормлю и добром наделю. Ну твои братья бессильные, – говорит, – будут тебе изменять; ты не надейся на их, я уж вижу.

Старик повёл плечами, шкура остальная, как шуба, слезла.

Подвёл он их к скале, на бедре у него очутилась плёточка, ударил раз, палатка появилась шитая, разукрашенная шёлком, ударил второй – стол; но столу ударил – всякие яства, все: горяче, тёпло и холодно. Чего не подумаешь, всё менятся.

– Пожалуйте, – говорит старик, – закусить и выпить вин, каких угодно, за храбрость вашу, дети золотой рыбки.

Ладно, понаелись, понапились братья, опьянели, повалились. Поглядел Световик – старик милостивый, но может быть, задумал лукаво. «Засядем здесь трое, кабы и мне не податься в эти дела». Сидят оне. Старик и говорит Световику:

– Здесь выдался из скалы белый камень горячий, лизни – вот и сила вдвое прибудет.

– А вот проснутся братья, тогда уж мы все трое.

– Можешь ты и один, – говорит старик, – тогда оне не получат.

– Нет, как встанут, прибавишь силу.

Через некоторое время проснулись братья, содой, кислотой, холодной водой освежились.

– Ну, пойдём, старче, теперь ты награди нас, как обещал, и силой, и добром, и мы будем благодарить всё – небо и землю, если ублаготворишь нас дорогим существованием.

Пошли по дорожке. Старик говорит:

– Я искал кулачников по себе, многих я победил, теперь должен тебе покориться. Но у меня есть три брата, вот с теми бы ты поборолся.

– Какие у вас три брата? – спрашивает Световик.

– Тебе не видать их; ты счастлив, что не встретишься. – Это он про трёх змеев, он четвёртый, у них тут царствования.

Доходят оне до камня, старик первого толкнул к камню – Вечерника; его так всего и притянул к камню, не оторваться никак. Тогда Световик и говорит:

– Видишь, что из этого получилось?

– Извините, – говорит старик, – это я не на тот камень, ошибся.

– А я вот тебе поднесу, – он кулак вынес, – так рассыпешься.

– Да, сознаюсь рассыплюсь.

Старик тут нашёл воду, живо обрызгал то место, отмокнул Вечерник.

– Ага, вишь ты какой ловкой, старичок!

– Нет, вон там есть другой камень, я ошибся.

– Нет, уж не надо твоей силы – при своей останусь. А ты, Полуношник, хочешь?

– Нет, – говорит, – не надо мне его силы.

– Ты вот что, старче, – говорит Световик, – дай нам меч тяжёлый, копы долгомерные, палицы боевые.

– Не знаю, – отвечает старик, – найдём ли что для вас подходящее; пойдёмте вот в эту скалу, там посмотрим.

Подходят, оказалась дверь чугунная в скалу. Тут же у его очутилась матушка ключей за поясом и начинает искать скважину; потом толкнул, дверь с шумом растворилась смаху – оказалось, там были богатые доспехи. Так их озарило, как жар, горит.

– Заходите, – говорит, – выбирайте.

Поглядел Световик на старика, посылат брата:

– Иди, Вечерник, первая ты себе выбирай, а потом уж мы пойдём.

– Да вы все идите, чего тут.

– Нет, – говорит Световик, – пожалуй, выйдет, как тот камень. Мы погодим, а то будем там сидеть все трое.

– Ну ладно, ладно, я на волю даю.

Стали выбирать.

Вечерник берет себе палицу, щит, копьё, шлем, надел на себя, вылетат, как рыцарь, и поклон старику:

– Благодарю за благодеятельность.

– Ну вот, видите, – говорит, – у старика все есть, я своё слово держу.

Заходит Полуношник: выбрал шлем медной, меч – ручка медная, кольчуга – медная такая же сама и на груди всходящее солнце, так же голова изображена. Так всё ничего, да нет на щите восходящего солнца; потом натывается, вытаскиват; вот тут всё: это солнце изображено, прекрасно. А для другого остался шлем серебряной: всё серебряно и изображение летящего сокола.

Выходит Полуношник. Сам весь, как жар, горит; благодарит старика.

Потом Световик:

– Ну будьте герои: ни спать, ни дремать!

Залетает в этот подвал, схватил меч, потяжелей который, вот это да! Есть чем помахать! Потом палицу боевую, копьё долгомерное, щит, как следоват быть, надел шлем серебряной, только посвечиват весь. Выходит и говорит:

– Вот, старче, благодарю, сделал нас людьми.

– Ну, путешествуйте, – говорит старик, – только вы не ездите в такую-то тайгу; вам там делать нечего; ну, акромья этого можно по всем государствам; Англии, Франции. А тут вот, как выйдете за эту степь, пойдёт лес за горами, за долами; вы там погибнете – самая проклятая местность.

«Ладно, – думат Световик, – попевай, нам туда-то и надо».

– Спасибо, старик, теперь пойдём.

– Стойте-ка, братовья: вы вот вооружены ладно, а крыльев у вас нет.

– Да, нет.

– Ну я ублагодворю и крыльями, только в лес не ездите, учу я не худому вас; в этой дикой местности горя хватите.

Толкнул дверь, и подвал заперся без замка. Подводит их к другой скале, отворят им также. Заржали лошади таким голосом, аж гора задрожала. Световик ахнул:

– Да, вот тут-то есть, верно, лошади.

– Ну берите, – говорит старик, – а там для украшенья лошадей сбрую имя возьмите.

Зашёл перво Вечерник, выбрал себе гнедого коня – золотом отливает. Полуношник выбрал себе карего коня, как ночь, чёрной. Потом заходит Световик в конюшню, огляделся, стоит сивой конь. Подходит, ударил по бёдрам, он на двенадцати цепях, только ушами поваживает, отцепил, повёл.

– Ну, с лошадьями! Давай сёдлы.

Пошли, по коням выбрали сёдлы, а на Световика не подходит. Искал, искал, глядит: на стене висит седло, двенадцать подпруг шёлковых, двенадцать подпруг полушёлковых. Снимат его

– на коня – как раз, подвесил стреминёк – ловко.

– Готово!

– Ну, поезжайте, только, прошу вас, в эту сторону не ездите: там и лошадей загубите и себя порешите.

Сели, как ясные сокола.

– Прощай, старче!

– Прощайте, прощайте, молодцы, только не будьте злодеями.

Поехали кони ленцой-рысью, а горы мимо летели; не заметили, как перед дворцом очутились в половиндень. На балконе король встречает:

– Кто вы такие, чьи вы дети? – кричит им.

– Ваши дети, ваше императорско величество, а мать наша здесь живёт на вашем попеченье?

– Да ты, что ли, Световик?

– Да, я, ваше императорско величество, а это мои братья.

– Заходите во дворец, что угодно можете от меня получить, – говорит король.

– Спасибо, ваше императорско величество, нам надо проведать мать свою.

Слезают они долой, оруженосцы убрали лошадей, пошли свидание делать с матерью.

– Боже мой, что это за люди? – А они ещё подросли. – Откуда вас бог несёт, откуда выехали сюда и приехали когда? Неужели дети мои?

– Да, мамаша, дети твои приехали проститься; помочь надо королю, а то совсем он запечалился за своим дочерям.

Царь устроил для их праздника: сделал обед, созвал гостей со всех волостей. Танцевали на этом балу – суток трое. После этого братья распрощались и поехали по своим местам. Когда они выехали из города, Световик вызвал их за городскую заставу и спросил:

– Изменники будете мне или братовья? Но если измените, а я выйду, тогда и вам не житьё.

Полуношник обижаться стал, почему он им не верит. Мало ли что там старик говорит, а Световик:

– Мне самому теперь можно разговаривать: наше дело теперь доставить царю девиц – дочерей его.

Ну, братья тут дали друг другу клятву стоять крепко один за другого, сели на коней, поехали. Ну, долго ли, коротко ли они ехали, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли – за степь перевалили, пошла тайга: лес и горы да пади, ни дорог проездных, ни тропинок проходных; темь, еле свет пробивался. Ехали, ехали они, меж деревьев стал свет немного пробиваться. Проехали ещё, смотрят, расчищена тайга; выезжают на край – дворец стоит. Когда они подъехали ко дворцу, никого не видали. Дворец был весь медный: медная крыша, медные статуи и медной крепостью обнесена. Ворота были не заложены; отворили ворота, завели лошадей, под навес их поставили:

– Ну, таперича пойдём, посмотрим, кто во дворце живёт али нет.

Заходят в коридор, везде чисто, подметено и подмыто; заходят в комнату, тоже чисто и везде пустота, ничего нет, и ничего поесть не нашли. Уж сколько время голодали братья, ослабели, ноги еле-еле волочат, корке хлеба рады, да нет. Ну Световик покрепче, обходил правую часть, передался в левую, всё обходил, ничего не нашёл. Поднялся на второй этаж, нет ничего. Обходит одну половину, другую – нет. В третий этаж подался, давай искать. Заходит в комнату, стулья венские стоят кругом, сам думает: «Хоть бы краюха хлеба и то нет».

Поднимается на четвёртый этаж, обходит – всё голо, хоть бы хлебом пахло.

Обессилел и Световик: тут что ж ему делать. «А, что будет: дай полезу на пятой этаж».

Подымается, там комната, посредине столб стоит, оббитой медью, обошёл он этот столб, смотрит вверх, а над ним сверх пятого этажа кумол, тоже медный.

«Что же тут происходит?» – думает сам себе.

Поглядел сверху, так отверстие, пустота в этом столбу пошла.

Вон оно что значит тут: наверное, они сюда спускаются, а там, наверное, пещера под дворцом.

Давай спускаться в этот столб. Заметил двери, спускался, спускался – очутился в нижнем этаже.

Толкнул нечаянно – комната; последовал в одну комнату, заглянул, там был накрытой стол салфетами, на столе жарено, парено, копчёно и вина, какие душе твоей желательно. Подзакусил мало и пошёл братовой своих разыскивать. Братовья, конечно, лежат, свалились.

Он заходит к имя в комнату:

– Вставайте скорее, пойдёмте, нашёл, и закусить можно.

Оне вскочили, обрадовались; как добрались до стола этого, давай на вина налегать. Он их остопорил, чтоб они опеть не свалились.

– Вот походим, как будем дальше. Нашёл я столб в этом дворце пустой; не знаю, сколько глубины в землю будет, где под дворцом они жительство должны иметь.

Ну, маленько тут посидели, выпили, уснули. Время идёт своим чередом, а Световик думает: «Пусть никого нет тут в помещении, а все-таки кто-то здесь наблюдает дворец этот, не может быть, чтобы брошеной».

Опускается Световик в конюшню, там в колодах белая ярова пшеница понасыпана, на два переруба вода налита; пустил лошадей, а сам открыл кладовые: одна полна кож воловских.

«Хорошо», – думает.

Натаскал их в бассейн, пусть мокнут. Потом пошёл к братьям.

– Кожи, – говорит, – нашёл, надо их резать, будем канат вить и станем спущать туда в столб, меч привяжем, кака там будет глубина.

Взялись за работу: кто кроит эти кожи на ремни, кто сшивает, кто свиват канат. Навили сажень на полёта в длину; Световик свой меч привязал, опускали, опускали – всё не хватает. Вытащил, давай ещё добавлять канат; добавили ещё на полёта.

Начали спущать сто сажень, воткнулся в землю (канат он слабнит, меч напласть лёг, упал.

– Ну вот что, братцы, – говорит Световик, – я спущусь, а здесь чтобы никто не был, мать-отец – руби, секи! А чтоб никто здесь не был и не знал этого дела. Стерегите и не опивайтесь вином этим, а то и я погиб, и вы все погибнете, и всем нам придётся помирать здесь в тайге. А может, обольстит вас какой принц, может, он вашим компаньоном заладится, не доверяйтесь ему.

Ну, братовья говорят:

– Даём клятву, кто заявится, будем стараться, чтоб не был жив.

– Вы остерегайтесь, там все эти три брата – идолиша – и царевны находятся здесь. Знайте, что который не велел сюда, он их четвёртой брат, он приедет сюда и будет вас обольщать.

– Не беспокойся, брат, будем стерегли, будем стараться, приедет он, его убьём.

Ну, распрощались братья, обнялись, поцеловались. Световик за канат привязался, и стали его спускать братовья.

Спустился по канату, там совсем темно, ниче сначала не видать; потом он пригляделся мало, как лунной свет, освещат немного. Не может понять, лучи откуда идут, и ясно стало, хорошо рассматривать. Потом он от этого каната сам отвязался, отвязал меч, остановился – темно, как в дыре. Заметил тут дорожку, пошёл по дорожке и видит медной дворец, блистанья от камней.

Подходит, ворота не заперты; отворил ворота, заходит в правую руку, в комнату:

– Здравствуйте богу и хозяину!

Вдруг на цыпочках к нему идёт женщина быстро и кричит:

– Какая там невежа пришла, что это за свинство без спросу заходить и ещё бога поминать тут?

– Извините, сударыня, я с того света выходец, а что здесь нечисты духи?

– Да, нечисты духи и проклято место.

– А вот и хорошо, я проведу, что тут за нечисты духи.

– Так нет, молодец, ты лучше расскажи, откуда ты, какая тебя занесла сюда погода. Угрожат тебе здесь большая опасность: или воротись назад, или прячься куда-нибудь, а то смерть тебе.

– Я не боюсь смерти, – говорит Световик, – мне всё равно.

– Мой муж – шестиглавый змей, – говорит красавица, – он скоро будет и тебя съест.

– А где он, твой муж?

– А он уехал за Серебрянку-реку, хочет набрать скота к празднику, и будут слетаться со всех сторон змеи, и будет пир целый месяц.

– А не найдётся ли у вас чего поесть, – говорит Световик, – да отдохнуть бы мне немного.

– Можно. – говорит, – боюсь только, муж захватит тебя.

– Ладно, не судачь, я на то шёл, чтобы вас избавить от этих мужей и вывести на другой свет. Давай поесть.

Хорошо. Она, значит, расплакалась, побежала. Приставляют ему пищу:

– Ешь, а только жалко мне тебя, молодец.

– Будь ты героика, – говорит ей Световик, – я с твоим мужем сражусь и избавлю тебя.

Поднапёрся он, как следоват тут, ложится отдыхать.

– Разбуди, – говорит, – меня часика через два.

Спит Световик, а она над им сидит и кольцо ему в кудри своё именное завилла.

Время близко.

«Ох, муж бы не заявился, не пригнал бы скота».

А Световик спит (он спать был не легче, как Прокопий). Она его будит, не может его раскатать, горячие слёзы потекли на щёки его:

– Вставайте, – говорит, – защищайтесь или удаляйтесь. Мне жалко, что вы погибнете.

– Ничего, – говорит Световик, – дайте мне водицы, я умоюсь.

Она приносит таз, полотенце, воду. Умылся Световик и спрашивает:

– Где это медной мост через Серебрянку-реку, дай мне его достичь, мост этот, – пойду навстречу не братоваться, а биться и рубиться на вострых мечех.

– На вот тебе, – говорит, – яйцо, куды оно покатиться, туда иди за ём, – медное яйцо дала ем. – Ты хочишь у моста встретить его?

– Да, у моста хочу встретить и с им поздороваться.

– Ну, всего тебе хорошего.

– А не жди ты своего идолу проклятого.

– Иди, иди, не хвались, он шестиглавый, в шесть раз сильнее против богатырей самых сильных.

Повернулся Световик, яичко бросил:

– Катись, да не укатывайся.

Катится яичко, и он за ём. Вскорости глядит, видна Серебрянка, посвечивает, аж шум по камням, как словно Терек на Кавказе.

Так он подошёл к медному мосту и стал под мост. Как жар горит. Вдруг заорал, засвистел змей. Насвистывают, накрикиват, и вот табун всякой дичи, такой табун – страшное дело! Табун пробегат, а Световик стоит под ём. Подъезжат змей, он с маху мост поднял и лошадь на дыбу и – упала: рот разорвал лошади – дёрнул за повод.

– Проклятая ты ненасытная тварь! Что ты спотыкаешься? Тут нет нам соперника, есть Световик, но он сюда не зайдёт, ворон костей не занесёт.

– Наконец-то нашёл я вас, – проговорил Световик, выскакиват, – как, проклято идоло? Меня не ворон занёс, я сам пришёл.

– А, Световик, на пир пришёл!

– Я не на пир пришёл, я на мечях драться.

– А-ха-ха-ха-ха, – засмеялся змей – лист повалился с дерева. – А сколько ты дорогу дуешь?

– Я без коня выхожу на тебя, – говорит Световик, – дуй давай.

Дунул змей – на пятнадцать вёрст дорогу расчистил. Световик – позолотил и края позаворотил.

– Идём, – говорит змей.

– Иди ты вперёд.

Он пошёл на поприще, и с разбегу ударились мечами. Световик подставил щит – и устоял. В свою очередь – раз! и три головы долой.

– Добивай остальные! – кричит змей.

– Богатырска рука не бьёт дважды, бьёт один раз.

Световик собрал деревья, сучки, которые поломал змей, собрал костёр, сложил туда головы и туловище заворотил, пожёг все и развеял пепел в разны стороны.

Воротился к царевне. Когда пришёл ко дворцу, находит её плакущей. Растворяется дверь – и на пороге показывается нога Световика. Она обрадовалась:

– Ах, я думала, что ты уж помер.

– Ну зачем, – говорит Световик, – пусть помрёт идоло проклятое!

Царевна так рада – и смеётся, и плачет.

– Ну вот, скоро поедем к папаше.

Она все жалуется ему:

– Как я страдала, мучилась за им в этом проклятом подземелье, свету не видала. Скорее б отсюда уйти.

– Покорми меня кушаньям каким, – говорит Световик, – я отдохну, выплюсь, тогда поговорим.

Трое суток спал, не проснулся ни одного раза. На четвёрты сутки она начала плакать, думает, он помер: сидела и будила его каждый час; он, как чурка, спит и спит. Четвертые сутки проходят – открыл глаза.

– Что ты делаешь? – спрашивает её.

– Не могу разбудить тебя.

– Уморился, дай водицы, освежуся я.

Умылся Световик, поели они, выпили, как следоват, она торопит его:

– Ну иди, друг, выходи из этого заклятого места, у меня уж сердце стосковалось.

– Э нет, – говорит Световик, – ведь вас здесь три сестры, надо и их выручать.

– Ой нет, не делай этого, – кричит, рыдает, ты потеряешь голову, уйдёшь, и тебя покончат здесь. Там сильнее мужа, там девяти- и двенадцатиглавый змей.

– Хорошо, я расправлюсь с имя – и вернусь за тобой. Давай покажи путь, где вторая сестра? Она опять даёт яичко, а сама упрашивает его:

– Пусть они живут там.

– Нет, – говорит Световик, – я служу твоему отцу и дал ему слово разыскать всех дочерей. Ты давай знак, как найти вторую сестру.

Ну она говорит:

– Иди за яичком, увидишь серебряный дворец заходи в него, там живёт вторая сестра. Пошёл за яичком: шёл, шёл, скрылся из глаз медной дворец, и Световик увидал серебряной дворец. Подходит, ворота отворены. Зашёл также на правую сторону, отворяет дверь:

– Здравстуйте богу и хозяину!

– Какая там невежа?

– Ах, извините, я думал, что как там у нас, где светит солнце.

Вышла, смотрит на его царевна.

– Что, ты своей охотой пришёл сюда?

– Да, своей охотой.

– Напрасно загубишь себя, не видать тебе солнца и звёзд. Здесь жизнь твоя должна будет кончиться.

– Да что ты, от кого я могу погибнуть? Уж не муж ли твой?

– Да, мой муж самый сильный и хитрый рыцарь, девятиглавый змей, девять раз сильнее против самого храброго и сильного рыцаря.

– Это ничего не значит, на всё играет час один, и он мне дорог. Покорми меня и дай мне отдохнуть.

Ну, выспался он, она его разбудила, и он просит её:

– Дай мне теперь знать, где твой муж.

– За Серебрянкой-рекой, охотиться уехал, праздник у нас готовится – будут съезжаться и слетаться все чародеи и чертовщина. Вот тебе серебряно яичко, куда оно покатится, туды и иди за ем. Дойдешь, серебряной мост будет, тут и встречай; захочешь дальше переправляться – дело твоё.

Пошёл за яичком, яичко его доводит до серебряного моста. Стал Световик под мост, дожидается.

Недолго время окончилось, вдруг слышит крик звериной, животные вбегают на мост целым табуном, пробежали, и заезжат девятиглавый змей. Световик двинул мост с маху, и конь его на колени пал, как у первого. Рванул он удилами, разодрал голову чуть не до ушей.

– Проклята ты, ненасытна скотина, что ты падаешь. Здесь нет нам супротивника. Есть где-то Световик, да сюда он не зайдёт, ворон костей его не занесёт.

– Врёшь, проклятое идоло, что ворон костей не занесёт. Я сам сюда пришёл – не попить-погулять, не на пирах побывать, нет! Пришёл рубиться и драться на вострых мечах.

– Эх, юноша! Тебе с девчонками забавляться, а не со мной на мечах драться.

– А давай, дуй дорогу, сколько хочешь, а там видно будет.

Дунул змей – на три мили дорогу расчистил; сделали поприще.

– Бей меня вперёд, – говорит змей.

– Нет, я гость твой; перва ты меня угости, а потом я тебя попотчую.

Расходятся. Змей с того краю, а этот с этого. Слетелись. Змей хотел его ударить мечом. Световик подставил щит, устоял, а его меч рассыпался на три части. Световик хватил его, сразу четыре головы отсек. Змей говорит:

– Бей остальные, чтоб мне не мучиться.

– Будет, довольно, богатырски рука не бьёт два раза, бьёт один раз.

Змей стал слабеть, слабеть – ослабел, как малый ребёнок. Световик натаскал на его хворосту, запалил костёр, сам обратился назад.

Приходит врасплох, она думала – её муж, со зла будет изгаляться тошней прежнего. Вдруг, Световик. Поглядела она – в обморок:

– Я не думала, что будет этот человек жив.

– Ну, зачем, – говорит Световик. – Нам помирать ещё рано.

Прекрасно. Она очень сделалась рада. Подзакусил он, выпил для аппетита, лёг отдохнуть. Выходит, проснулся, попросил водицы. Она принесла ему кувшин и таз. Световик умывался и полотенцем утирался. Должно утро уж быть по часам.

– Теперь, – говорит, – пойду дальше.

– Куда?

– Третья сестра ваша должна быть тут где-то.

– Ой, куда ты, куда ты? Там двенадцатиглавый. Тот хитёр, никогда тебе ему голову не отрубить. Брось ты эти затеи, чем погибать и тебе и мне, лучше пойдём на белой свет.

– Нет, – говорит Световик, – своё слово сдержу: за тремя пришёл, трёх и выведу.

Она – плакать. Собрался он, стал просить проводить, дорогу показать. Она подаёт яичко со слезами, а все просит его:

– Лучше бы тебе идти на свет, а уйдёшь дальше – и мне тебя не увидать больше, без тебя я тоже не попаду туда.

Ну, успокоил он её, попрощался, пошёл с золотым яичком золотой дворец отыскивать; бросил яйцо, сам шествовал за им. Долго ли, коротко ли шёл Световик, дошёл: видит – дворец золотой, как жар горит, если при солнце, поражало бы лучами. Подходит к воротам – не заперты. На парадно взошёл, направо двери отворил – тихо, никого нет.

– Здравсте богу и хозяину.

Слышит откуда-то из дверей шаги нежные, женские.

– Никакого тут бога нет. – Думала, что змей пытается: «Ах, где уж, думат, как у нас свет и есть бог».

Отворяет дверь:

– Ах боги мои! Как ты, доброй человек, сюда зашёл, да ворон костей не заносил, а ты идёшь и не страшишься?

Он улыбнулся и сказал:

– На своих ногах пришёл и не думаю страшиться.

– Кто в такие дебри тебя завёл? Вот войдёт муж мой, он тебя не пощадит. Кто ты такой?

– Я есть Световик, приёмной сын короля, отца твоего; я пришёл освободить вас от ига, чтоб вы не мучились в темноте. Твой отец хотел этого, я ему обещал.

– Ах, воротись назад. Мой муж очень хитрый и сильной, а мне уж по пути здесь погибать, до гробовой доски придётся жить.

– Не грусти, голубушка, победим твоего мужа. Дай мне поесть, я устал с дороги.

Ну, накормила она его всякой едой, подкрепился он, спрашивает:

– Скажи, что там, какая сила в нем, что опасно?

– Мой муж имеет двенадцать сил самых отважных богатырей, а хитрый – он в земле тебя найдёт. Пойдём в сад.

Она ничего не сказала ему, подводит, было там озеро светлое, как кристалл: день палительной, воздух тяжёлой, жар. Хотел он тут напиться, она задержала его:

– Смерть от этой воды найдёшь, будешь слабее малого ребёнка; хочешь пить, есть ещё озёры, я тебе расскажу.

Подводит, оно такое зловонное.

– Вот платочек мой, зачерпни и попей; хоть не видная, а вода хорошая.

Хорошо. Кое-как три глотка проглотил, вода кислая, грязная. Световик вздохнул вольно, почувствовал такую силу – ничего не слышит, будто нагишок.

– Как так? Меч – как мне шило взять, а копьё – как перо. Да что ты – было мне оружие моё в полпорцию, но теперь, как травинку в руках держу.

– То-то, вот попил воды ты, а хлебнул бы другой – ослаб. Ну, теперь боги помогут победить его.

– Так это оружие не годно, не слышу его в руках, удар слабый.

– Ну, айда, я тебе покажу.

Повела его, отворяет кладову, стоит во всю стену меч, до потолка ручкой. Взошёл, вокурат, как старый меч, данный змеем Светланом (трёхглавый змей Светлана).

– Вот что, Световик, есть ещё: когда я забавлялась с львёнком, он меня крепко в лапах держал; я выкормила его, он теперь лев огромной; он это меня любил, а его ненавидел. Пойдём посмотрим, как он на тебя взглянет; он тебе годится.

Когда она отворила поставчик тайный, лев посмотрел на Световика, замолот хвостом, давай ласкаться, вскочил на грудь, как друг первеющий.

– Хорошо. Дай я ему дам хлеба, чтобы он знал и дух мой, чтобы помог мне победить идолу. Зверь посмотрел, как будто хотел сказать.

– Зайди, теперь скажу, когда его отпустить будет нужно.

Пошли во дворец опять.

– Смотри, вот ты почерпнул чары и по ним должна иметь хитрость, кто одолеет, он или я. Я поставлю два стакана на праву и на леву руку, сяду против стаканов и буду наблюдать; если на правой руке покажется молоко, то я не буду льва отпускать, ежели – кровь, то отпущу льва, он поможет тебе.

– Дай мне признак, где через Серебрянку-реку золотой мост.

Дала ему золото яичко.

– Ну, прощай. Постереги в стаканы и отпусти льва.

Она дала клятву:

– Буду наблюдать, не сводя с глаз.

Попрощался и в ранний путь пушался. Шёл долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, достиг золотого моста. Стал под мост и дожидается неприятеля своего. Приближайся змей. Закричали скота. Это он гнал табуны. А Световик наблюдает, мост тяжёлый, – не дрогнет, табуны бегут. Подъехал змей двенадцатиглавый верхом на лошади; закачался мост во все стороны. Световик сробел, надо силу да силу поднять такого черта. Ну да раздумывать тут некогда; как хватит – конь на колени пал.

– Ох ты, не кормлена тварь, что ты, чурбан, подо мной спотыкаешься. Я один тут сильной богатырь, нет нам встечного и поперечного. Есть где-то Световик богатырь, только он сюда не зайдёт, ворон костей его не занесёт.

Тут он выскакивает:

– Я сам пришёл с тобой познакомиться, узнать, кто ты двенадцатиглавый идол!

– Ха-ха-ха! – смеётся змей. – Ты сильный, говорили. Что ты вздумал это, а молодой юноша?

Тебе бы с девчонками наслаждаться!

Говорит Световик:

– Я хочу биться, и будем силу пробовать, чья перевысит!

Змей хохочет:

– Я тебя на ладошку посажу, другой прихлопну, мокренько будет!

– В поле едешь – не хвались, из поля поедешь – хвались.

– Ах ты, задавала, молокосос! Бей, давай, налетай!

– Сначала гостя угости!

Змей дунул дорогу, на сто вёрст развалил лес.

– Ну что, скажи, который первый край займёшь? Я даю, иди защищайся!

Начали сближаться; налетел змей, ударил мечом – ранил в плечо до самой кости, и Световик ушёл по колено в землю. Разбежались вновь на другой край.

– Держись, – говорит змей, – держись, **сражаюсь!**

– Держусь, защищаюсь!

А Световик по пояс в землю, и отсек семь голов, посыпались, как град, и опять приросли.

– Ну, что?

– погоди! Будем, будем биться.

– Ха-ха-ха-ха!

Опять Световик ударил вперёд – семь голов срубил, а змей размахнулся, ударил и Световик ушел по грудь в землю. Что делать?

– Ох ты, молодой юноша, ты хвалился, а как овсяной сноп свалился.

– Погоди, проклятое идоло, дай мне оправиться.

Заснула царевна. А Световик снял сапог да размахнулся, как пустит его и ударил в окно, где царевна сидела. Очнулась она, глядит – полстакана кровь. Она выпустила льва, прибегает он, а кровь фонтаном льёт.

– Ну, идём, проклятое идоло, ещё раз, а потом я твой, делай, что хочешь.

Как тот налетел, Световик поддел, восемь голов ссёк. Лев, как молния, все головы поймал, и им нельзя было подняться. Он хотел ударить мечом, промахнулся, и закричал змей:

– Ну, добивай вторично, разом!

Ещё ударил, три отсёк, осталась одна голова, Змей начал слабеть, слабеть:

– Отсекай последнюю!

– Нет, довольно, сам подохнешь.

Упал змей, зарычал и подох. Лев принялсялизывать раны. Световик натаскал хворосту, собрал головы в огонь кое-как; дым повалил, погорело идоло. Сам ослаб, упал. Лев бросился бежать ко дворцу; прибегает, схватил царевну за грудь, давай тянуть: хозяин помират, а она думает, он сбесился; ударилась бежать, думает, убить его надо; прибегает, схватила со стены меч, мечом голову отсекла льву; застонал он, как человек, и больно стало у ей на сердце, и сожалела льва царевна, и догадалась, зачем прибегал лев и куда тянул её. Кинулась она от ворот, во дворец, взяла медикамент и побежала к мосту на поприща. Пламя уж остывать начало. Тут увидела она Световика, он побледнел, изошёл кровью. Она сделала перевязку. Неподалежку была вода; принесла воды и стала ему поливать на голову воды, давай отваживаться.

Он трое суток тут проспал, она не отходила от его, дожидалась, когда проснётся. На четвёрты сутки проснулся Световик и открыл глаза. Миловида Прекрасная сидела с горькими слезами. Когда он встал, она сделалась весёлой. Он спросил:

– А как идоло моё?

– Да, должно, погорело. Нужно торопиться ко дворцу! Принеси подкрепить желудок, – сказал Световик и без чувств упал на землю.

Она бросилась ко дворцу, принесла вина, закуски; подала ему розовой воды; он умылся, освежился; потом подкрепил желудок, встал, дотащился до дворца. Когда пришли, Световик расположился отдыхать. Она лечила ему раны, перевязки делала. Он медленно начал поправляться. Когда совсем оправился и почувствовал свою былую силу, Световик сказал:

– Теперь надо собирать вас на белой свет, а сам я не знаю о себе, что будет со мной.

Прекрасно. Выходят из дворца. Прекрасно...

Оглядывается Световик, жалко ему дворец оставить золотой. Заметила это царевна, говорит:

– Дворец этот – не дворец, это – чары, очарованье; этот дворец может быть у тебя в кармане: вот тебе красный платочек, а в нём золото яичко, яичко бросишь, платочком махнёшь, и дворец будет у тебя.

Световик в руку плюнул, бросил яичко, махнул платочком, закружился дворец, меньше, меньше, меньше и свернулся в яичко.

– Вот, а если нужно поставить опять, можно поставить дворец, платочком махни, яичко брось – и станет дворец как был.

Прекрасно. Световик подымает яичко, завёртывает в платочек и кладёт в карман. Идут. Вот серебряной дворец. Удивленья, какой это дворец!

– Я сейчас сделаю, ты понесёшь его в кармане.

Бросила яичко, махнула платочком, дворец меньше, меньше, свернулся и сделалось серебряно яичко, и чистое место, как лубяной шалаш сгорел. Положил его в карман Световик, пошли к старшей сестре. Встречает их старшая сестра. Радость, разговоры, угощенья. Ну, долго некогда тут балясы разводить да прохладиться, кабы выбраться

поскорее. Собрались, пошли. Оглядывается Световик – медный дворец тоже штука хорошая, жалко оставлять. Бросил медное яичко, махнул красным платком, закружился дворец, завертелся, сам всё меньше, меньше, меньше; стало медное яичко, клади в карман. Идут, уж темно делается в подземелье; подходят к дыре, где висел канат, никто его не подбирать и не думал, всё как прежде. Оне подступили. Световик усадил одну из красавиц – старшую, привязал к канату и наказал:

– Говори, Световик всех выручил нас, чтобы не дрались за красоту, там ещё красивее меня есть.

Дёрнул Световик за канат, проснулись там наверху, потащили. Вытащили, пошла суматоха. Светлан там пристроился к имя хитрый.

– Берите, – говорит, – молодцы, я старик, обожду.

Взял эту себе Вечерник. Вытаскивают другую – берёт Полуношник. Дождается Светлан:

– Третья будет моя, конфета хорошая.

Кончил братовой наделять. Привязал последнюю – берёт Светлан «Что теперь делать? Ежели они спутались со Светланом – не быть мне на белом свете».

Привязал меч на пробу; потащили, сажени три не дотащили, обрезали. Ушёл меч в землю по рукоять.

– Вот славно, – говорит. – Хорошо. Получай за услугу!

Повесил голову буйную Световик, пошёл бродить, не найдёт ли выход какой из пещеры.

От дыры ушёл, и близко ли, низко ли, высоко ли, видит – деревянный дом, кругом изгорода тоже высокая, даже рукой не захватить. Смотрит, кругом засеянный хлебом этот дом; хлеб разный, всякий – и пшеница, и ярица – негде даже пройти, никакой межи не оставлено. Пробрёл по хлебу, добрёл до изгороди, глядит, где бы найти дверь, войти в двор; тогда он пошёл, находит – калитка перед ём. Попробовал отворить – заперта, а заплот высокий, перелезть тоже нельзя, только наружу одно окно у избы и то больно высоко, рукой нельзя достать. Посмотрел, посмотрел, что делать? Постучал раз, два, три – голосу не подадут. На дворе скотина находится, мычат коровы, овцы, теляты и никто не выходит на двор из дому. Он ещё постучал, покрепче, слышит, скрипнули двери, выходит белый, как лунь, старик, выходит и спрашивает:

– Кто там меня беспокоит? Будет надо выводить насмешки!

– Это, отец, я!

– А кто ты такой?

– Я рыцарь из того свету, где солнце светит, русский рыцарь, попал, чтобы царских дочерей вынести, а сам остался: там изменили товарищи не то товарищи – родные братья. Змеи убиты, все дворцы разметены. Подкрепи мою силу, я устал, а ты погонишь – совсем пропаду. Наверно, ты добрый человек, хлебопашеством занимаешься, и скот есть наверно, ты меня не обидишь.

– Стой, ещё посмотрю, каков ты. Я всех тут чертей знаю; а ты не похож на них. Пойдём, заходи расскажу, как попал сюда.

Сходят в дом. Старик достаёт жаркое, хлеба.

– Муку сам мелю, мельницу имею ручную, и скот, и хлеб. Только земли имею мало, всего, что в ограде.

– А это чей хлеб?

– Это тебе расскажу: тут живёт самая мать этих идолов. У ней ещё три сына, только юные; они уж начали учиться магии, и будут такие черти, духи, ещё сильнее тех. И теперь от них покою нет. Вот жизнь какая на старости лет! Я раз ехал на коне, застигла ночь и попал нечаянно; был рыцарь итальянской и поехал сам себя показать и людей посмотреть. Да смаху и попал в провалища; конь осел, а я угадал – не убили. Одумался, пошёл, тут дикий хлеб был, питался; выйти никак невозможно было. Ходил по пустыне. Недалеко тут река Серебрянка. Я у речки был, тут рос дикий хлеб, я его собирал.

Хлеб рос плохой. Надо было подумать и о жилище. Жить было негде, давай строить, сухарнику набрал. Потом сюда заявила мать с семьёю сыновьями (один наверху там

остался жить); поселились здесь, давай притеснять; хлеб сею – они хлеб травят, мнут и землю захватили. Стал диких овец имать, телёнка, коров диких приучать, пошёл приплод. Так живу. Дикое конопле стал сеять, вязать рубашки, штанишки. Топоришко вот сдержал весь, один обух остался. Эти, когда поженились, притащили красавиц, спокойно стали, поселились отдельно. Теперь опять мать начала ереститься. От ребят покою нет: бьют, за бороду дёргают, боюсь калитку отворять – истязать будут.

– Значит и мне придётся с тобой жизнь коротать? Побил я их – шести-, девяти- и двенадцатиглавых, а этого я не знаю, что тут ещё живёт их отродье.

– Ты подумай об этом, – говорит старик, – а то нам обоим хана будет.

– Ну, если я тех уходил, не страшился, а с этими-то я справлюсь. Найми в пастухи меня.

– А чем кормить я тебя буду? Да ладно, что есть, то вместе. Заморить-то не заморю, а сыт не будешь.

– А ничего. Пасти буду, скота накормлю и сами сыты будем. Я прогоню скота через их хлеб, и они ничего не сделают.

– Ой, смотри, не страви у них хлеб.

– Ниче, давай попасу.

Отворяет Световик калитку и выгнал скот, прямо в хлеб, пошли чистить. Старик испугался, кричит:

– Что ты делаешь? Али мне из-за тебя побои на старости лет принимать!

– А пусть пластают, – кричит Световик, – напьются и опять пуцу.

Старик затворился, совсем испугался:

– Вот подлеца какого принял, убьют! – А сам в крыльцах сажени полторы.

Поглядыват в окошко, что будет дальше. Световик улёгся в хлеб, отдыхат; скот по всему хлебу разошёлся. Яга-ягишна люстру навела, глядит – дворцов нет. Навела на стариков дом – скот в хлебе.

– Иди-ка его, старого хрена, убей, чтобы его духу поганого здесь не было!

Пошёл младший сын – пошёл, запнулся в хлебе за Световика:

– А чёрт, колодина!

Глядит, человек.

– Что ты тут, невежа, спишь, а скот в хлебе?

Поднялся Световик:

– А что тебе надо?

– А, ты заговаривать ещё, холуй!

Бац его в рыло. А ещё насмехнулся:

– Ага, задаёшься, батрак!

Бац ему в нос. Тот как развернулся, и уложил его с одного раза. Сам лёг спать.

Второй бежит; опять запнулся.

– Вишь, злодей, поперешник! Колод натаскал на нашу пашню.

Разглядел, человек лежит.

– Вы что травите хлеб?

Бац в рыло, бац в другой раз. Поднялся Световик:

– А, и тут комары кусаются!

Оборвал руки и ноги к едреной матери, бросил от себя подальше. Третий прибежал, третьего изрубил мечом. Пошёл.

– Отвори, старец. Скот лежит отдыхает, наелся, напился,

Старик ругается:

– Что ты сделал, беду накликал на мою голову?

– А не кричи и не бойся, старик. Посмотри, поди, возьми лопаточку, вырой яму, да закопай проклятое семя. А я пойду.

Старик отворил калитку, не верит глазам. Тогда и старуха навела люстру, смотрит – три трупа сыновей. Начала метаться, биться и не знает, что делать.

Пошёл Световик, глядит, подымается туча, чёрная, страшное дело. Гроза, гром, ливень. А на дубу гнездо орлиное, начало градом сбивать. Залез Световик, спас птенчиков (а град устроила яга-ягишна, своей магией навела тучу). Увидал **неправду** Световик, снял гнездо птенцов.

Пошёл он, где яга-ягишна. Подходит – изба деревянная, ворота открыты (как ребята уходили); дёрнул дверь. Яга с пестом по избе:

– Я тебе всю голову разобью!

Он ударил раз, два, три – со всего плеча; меч иступился.

– Уйди, злодей, чего тебе здесь надо?

– Ох, проклята тварь! Знать, ещё будешь жить!

Пошёл опять к дубу. Дошёл до гнезда, орёл, как туча, спустился и закричал:

– Знать, есть добрый человек – сохранил моих птенцов, а то всегда убивали. Сделал бы добро тому человеку, да не знаю, кто он.

– Это я, – сказал Световик, – спас твоих птенцов.

– Ну, что тебе угодно, проси – я для тебя сделаю.

– А что, сизый орёл, ты можешь помочь мне убить ягу-ягишну? – *(Антон закуривает трубочку, разглаживает бороду: «Ну, надо её доврять. Я не люблю эту ерунду пороть»)*. – Я её уже убил, меч затупил. Ударю, меч отдёрну, она опять цела.

– А ты иди за Серебрянку-реку, там есть остров Буян, по тропке пойдёшь, встретишь дуб; подсеки, там сундук; мечом отшиби замок, там заяц пушистый, белый; в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце и смерть. Ты разбей его, и она ослабеет. если ты захочешь на вольный свет, то я тебя вынесу.

Пошёл Световик, как говорит орёл. Пришёл на Серебрянку-реку, нашёл плот, сел и приплыл к берегу. Тут он хотел убить ястреба, да тот человеческим языком сказал ему:

– Не убивай, я тебе пригожусь.

Ну, смотри – тропка; пошёл по тропке – дуб, весь оброс мхом, подрезал, давай толкать его, дуб полетел; оказался в дупле старый ящик; срубил замок – заяц шмыг и убежал в чашу. Пошёл он разыскивать его (ястреб поймат ему зайца). Идёт берегом, сокол утку дерёт; хотел его убить, а он:

– Не бей меня, Световик, я тебе пригожусь.

– Что за нечистая сила, вся птица говорит здесь!

Выплыл рак, он хотел его разорвать и съесть, рак заговорил:

– Отпусти, я тебе пригожусь.

Отшвырнул:

– А, проклятая тварь, и ты говоришь по-человечьи!

Вдруг ястреб тащит зайца, тот кричит, как маленький ребёнок:

– Вот тебе, Световик, за то, что ты не убил меня.

Световик разорвал зайца, утка – пирх! – и забила в камыши; откуда ни возмись сокол – убил с высоты, упала она в воду, достал, разорвал, яйцо – в воду; где его теперь там найдёшь? Закручинился Световик, сидит на бережку:

– Вот проклятая идольская смерть!

Но тут рак вылез – и держит в клешнях яйцо. Световик берёт и пустился на плоту на тот берег; а Серебрянка быстрая шумит, как Терек на Кавказе.

Пришёл к ягишне, яичко расколел; из него серый дым. Он мечом ягу изрубил и избушку сжёг.

А когда Световик бил с яйцом ягу, выговорил коня, и платочек дала ему. Но он потребовал:

– Где конь второго сына?

– На вот, – говорит яга, – жёлтый платочек и кричи: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

Третий раз обратись:

– На тебе красный платочек, прижги его, прибежит трёхшерстный конь – сивый, бурой и каурой. «Эй, Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

Сивка летит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом валит, из <...> головёшки летят. Прибежал, стал как зарод. (*Перепутал я тут немножко, ну ты там сам поймёшь, что куда*).

Ну, покончил Световик с ягой-ягишной, зашёл к орлу:

– Прикончено, – говорит, – всё, теперь не печалься, все будет спокойно, твои дети не будут убиты никем.

Орёл говорит:

– Вот, Световик, есть старичок, побей скота, сделай зыбку, сложи мяса, садись сам и будем вздыматься.

Поблагодарил орла и отправился к старичку. Приходит, с просьбой к нему обращается:

– Немножко удели, скотин десяток, буду вечно богу молить.

– Я тебе десяток, а сам чем жить буду?

– Ах, старый пёс! Жалко мне тебя, сколько твоей жизни осталось? Всего не возьму, кожи тебе.

Не стал разговаривать, начал мечом рубить. Пошёл в лес, сплёл корзинку и склал мясо.

Подлетает орёл, наказывает:

– Полетим, как оглянусь, разину рот – бросай полтуши.

Поднял его, полетели. Летели; надо подыматься ещё, а мясо истощалось; поднялись ещё немного – и совсем всё вышло. Осталось сажени две-три. Орёл крыльями машет, а сам садится; разинет рот, а мяса нет. Что тут делать? Световик сдёргивает сапог, берет ножик, вырезал икру, бросил. Орёл икру съел, потом взмылся и вынес его наверх...

– Всё ты, – говорит, – хорошее мясо мне давал, а потом плохой кусок дал, едва я силы набрался.

– Это я тебе икру от своей ноги дал.

Отрыгнул орёл и выкинул икру, куда-то слетал, принёс два флакона и дал Световику:

– Сбрызни, и будет срастаться, и заживёт.

Место это трудно было узнать: дворца уже не было, а только провалище. Скоро у Световика выздоровела нога. А всё ж таки идти – куда пойдёшь? Тут он нашёл платочек, припомнил, ага, давай прижгу. Прижёт – кремешок (ну где же там у него огонь такой?), молодецким посвистом просвистал, богатырским голосом прокричал:

– Сивка-бурка, вещей каурка!

Прилетел трёхшерстный конь:

– Что тебе, Световик, службу служить али дружбу дружить?

- Да службу служить: представить меня к королю.

В одно ухо влез, в друго вылез, рыцарем обрядился, на коня бысто садился, быстрее птицы покатился; реки-озёра промеж ног пропускал, леса-долины хвостом застилал; мчались оне долго ли, коротко ли, приехали к королевскому городу. Королю рассказали братья, что Световик – изменник; а царевну его любимую (Светлан всех сбил) славному рыцарю Светлану – в невесты. Словом, готовятся три свадьбы, а по случаю возвращения королевских дочерей идёт такая суматоха, что пыль столбом.

За городской заставой отпустил Световик коня:

– Гуляй, где тебе понравится, на зелёных лугах али в шумных лесах.

В ухо влез, в друго вылез Световик – сделался седым старым странником. Пришёл к мастеру, портному королевскому, и устроился на квартире. Мастер пустил его. Ну, выпили они тут, странник давай заливать, что был он в таком-то подземным государстве, всем занимался, а теперь старик стал, странничать стал.

– Какое здесь государство?

– А вот тако-то.

– Ну, здесь отдохну, а потом дальше пойду. Видел я там Световика, он спас трёх царских дочерей.

Всё рассказал.

– Бедной, он как-то вылез; если, – говорит, – увидишь царевен, скажи им поклон. Ну, а тут что о нём говорят, как братовья его?

– Слыхал, они Световика проклинаяют, зовут его изменником.

– Это всё ложь, он потерпел от них: их два брата, а третий – злодей, брат змеев из подземного царства. Ох, детина, только из-под руки посмотреть. Боги, что делается на свете, боже мой!

– Да и ты старичок ладный, смотри в крыльцах ты боле сажени.

– Да, был и я герой, да выдохся.

Не успели кончить разговор, подкатила карета; заявляется старшая дочь короля:

– Здравствуй, мастер! Возьмитесь мне три вещи сделать – ботинки, венцы и платье. Вот вам картина – по картине все ясно: и венцы такие, в каких мы венчались со змеем, и платье, чтобы ребро в ребро.

– Ох, большую вы задачу даёте мне, как я могу?

– Так вот картинку смотрите – вы же мастер; куда же мне ехать, посылает папа к вам.

Световик подтолкнул под бок:

– Берись, как-нибудь справимся.

– Три дня сроку, чтобы без примерки. Если не будут готовы, я распоряжусь.

Уехала, оставила картинку – делай, что хочешь. На другой день приезжат средняя: тоже самое отбарабанила – уехала. А младшая все оттягиват. А Светлан:

– Давай да давай свадьбу играть!

– Погодите, пусть старшие. Погуляем на их свадьбе, а потом и свою.

Там готовятся к торжествам, а мастер:

– Попал я в цепь, не выпутаешься.

А старик утешает:

– Ничего, всё устроим, всё найдём, выпивать только я горазд. Водочки ведёрка три доставай, потянем и за работу. Все к сроку будет готово.

Напились, мастер кое-как до постели добрался, а старик поёт сидит:

– Ивушка, ивушка, зелёная моя. *(Антон поёт.)*

Жена уговаривает:

– Брось, старичок, что вы делаете? Вот вы взялись исполнить заказ, надо оставить пьянство, сделать; завтра уж трое суток.

– Да мужик-ат у тя уж больно слабый; ну уж хоть бы пил, а то не боле ковша три – и в дрезину пьяный. А заказ сделаю. А не сделаю, ну пущам казнят, так – пьяный, ничего не почувешь.

Вечером третьего дня Световик вышел, махнул красным платочком, бросил яичко – образовался медной дворец, засветился; народ навалил смотреть. Световик зашёл, нашёл сундуки, едва-едва разыскал платье, завернул в салфетку, вышел. Яичко бросил, платочком махнул, дворец закрутился, меньше, меньше – нет.

Приходит в дом, на косой столик кладёт; наутро обдул, обчистил. Хозяин встал, выпил последнее винишко. Старик храпит, как дранье дерёт. Вскорости хозяйка кричит:

– Что ты спишь? – своему.

– А будет тебе. Ну тебя к едрёной матери. Дай-ка винца!

– Всё высосали. Последний жбан пустой.

– Старика буди – вместе будем с ним помирать. Да что бояться бабу, девчонку, что она – сгубит, зарубит?

Старик встал, позевает:

– Вставай, хозяин, выпьем, а вещи – там не бойся, справим все.

– Не взял бы, ты меня втянул.

– Ну, надейся на меня, представим.

Водки выпили. Хозяин ждёт заказчицу.

– Я уж не буду, а ты, старик, пей.

Вот девять часов. Карета подскакала; выскочила королевишна.

– Готово?

А Световик встаёт.

– Извольте, все вещи, понравятся или нет?

– Боже, что такое! Точь-в-точь, а где картинка?

Вспоминает: венцы золотые, ботинки.

– Ах, да, точь-в-точь, да, по рисунку, и в пропорцию должно на ногах.

Сбрасывает ботинки, надает, и платья... Ведь это что такое. Тот выходит! Глаза распухли.

– Просим милости на наш праздник, брак открывать, господин мастер. – (Хозяин хоть и не делал, а его зовут.)

– Правду мне говорил Световик, что они такие легавые. А говорил Световик, мне говорил, со мной разговаривал.

– Он изменщик, Световик. Ты глупый, старый, тебе эшафот, не поминай его.

– Я видался с ним, хорош Световик!

– Ну больше не говорить о нём, ладно!

Только эта уехала, вторая – пых! Делат такой же заказ. Мастер берётся смелее.

Ровно через три дня приготовить, и чтобы без примерки!

Повернулась, пошла. Наряд ещё богаче, с брильянтами, и платье ещё красивее.

– Не печалься, хозяин, мы это ли найдём.

Ну и хозяин за старичком покружился. Приказал жене водки и напился в стельку.

Через три дня старичок всё, что нужно, сделал; серебряный дворец развернул, наряды те самые, в которых царевна венчалась, достал, положил на косячок. Хозяин спит, а старичок уж все устроил. В девять часов подъезжат королева и вторая:

– Как, готово?

– Готово, готово, понравится ли?

– Да, что такое? По рисунку точь-в-точь, благодарю вас. Пожалуйста на бракосочетанье!

Старичонко опять проворчал про себя. Является третья:

– Господин мастер, сготовьте мне подвенечный наряд: вот вам рисунок. Только точь-в-точь, не ошибитесь, и чтобы в три дня без примерки было готово.

Словом, заказала тоже.

– Берись, сделаем! А что же вы, сударыня, не дожидаетесь Световика?

– Ай, да я бы с радостью, да он, наверное, погиб.

– А я вам скажу, – был, видел, у провалища сидит молодой человек, сидит горюет. Он мне рассказал. А говорил я с ним на итальянском языке: рассказал он мне историю, как он был раненый, как выбрался из подземного царства.

– А что он не спешит сюда?

– Не знает, где вы; думает, вы похищены.

– Как бы ты, старец, навестил его, чтобы он пришёл скорее, чтобы с таким злодеем мне не венчаться.

– Мне не успеть.

– Я оттяну месяца два-три, сделаюсь больная; может, он подойдёт, вот именно перстень. Ах, глупая я, рассказала, вы уж молчите, все его здесь проклинаят. Поспешу, награжу я тебя.

– Поспешу, царевна, с сего же дня отправляюсь.

На третий день приезжает царевна за вещами. Было все готово. Старик скрылся. («Скажите, ушёл!»)

Она посмотрела, даже ахнула:

– Да это что, удивленье прямо, ведь это с того света и то он угадал бы. Как вы могли угадать, ведь рисунки даже точь-в-точь такие? Думаю, платье лучше- некуда? Верно, искусник вы первый. Милости просим, когда будет брак.

Повернулась, вышла.

– Выпьем-ка ещё.

– Пей, да надо идти.

– Ещё не скоро, схожу.

Тут значит вдруг заявляется старшая, старик в особую комнату.

– Пожалуйста на бракосочетанье, поезжайте в собор, получите награду. Ну, старичок, и ты, – тебя не узнают.

– Я видал – на ваши свадьбы не хочу; да ещё и слезливая будет.

Будто на двор, в ограду вышел, прижёт платок – явился Сивка. Световик в левое ухо влез – в правое вылез, вскочил на коня и стал разъезжать, поклонился, поздравил, выглядывал, выглядывал, рассердил коня, перескочил через народ и стал сам в медной одежде. Подъезжает, поклонился, поздравил, поцеловал королевне ручку, жениха за волосы и поднялся выше собора. Держи, лови! Нет за городом! Оторвал голову брату. Перерядился стариком и вернулся.

Правда, свадьба-то слезлива.

Мастер рассказал, что произошло.

– Хватай, имай! На коне на крылатом. Стало быть, недостойны с такими ягодами.

На другой день – другая.

– Дедка, сходи.

– Не люблю. Я не хожу по свадьбам. Я подомовничу.

Дождался, как из дому все ушли, вышел.

– Эй, Сивка-бурка, вещий каурка, стань предо мной, как лист пред травой!

Сивка вниз, как сокол, спустился.

– А теперь – получше обрядиться да на свадьбу явиться!

– В правое ухо влезай, себя наряжай, на меня залезай!

В серебряной одежде выехал Световик, ждёт, когда поедут парами: улучил времечко, налетел. Жениха за волосы и взвился под небеса.

Мастер приходит, рассказывают:

– Я знал, что непорядки пошли. А, да старикам не до свадеб, что восемьдесят лет прожил.

Месяца через два-три является младшая. Световик всё жил в потаях.

– Говорите, ушёл с первого дня. *(А то скажут, что тут старик).*

– Пожалуйста на бракосочетание.

– Следом за вами же.

Приходит, так такой отряд! Шашки наголо, смотри вверху и внизу.

Выходит Световик:

– Эй, Сивка-бурка!

Спустился конь тем же мигом.

– Надо нам обрядиться и к царю во дворец явиться.

Световик в право ухо влез, в лево вылез, всю сбрую вынес, сам в золотых доспехах, коню золотое седло. Вскочил да гикнул, пропала земля – в поле сокол, оторви-голова.

В самый торжественный, момент Световик налетел вихрем, Светлана за волосы и – как не бывало.

Царь закричал не своим голосом:

– Держите, ловите этого мерзавца!

Не тут-то было, стража прямо обезумела. А королевна подходит:

– Позвольте, папаша, не кричите, не ловите: это последний злодей – брат хищников змеев.

Я не отхожу от собора, жду своего Световика.

А Световик Светлана сжёг. Стоит над трупами братьев:

– Лежите, взаимно получили.

Взял флакончик, взбрызнул, ожили братья; дал каплю в рот одному.

– Как я долго спал.

– А это твой брат. Так и ты был. Гляди, третьего сожёт, а вы глупцы были, поедем делать брак!

Вынимает платочки яги-ягишны, достаёт братовьям по коню, обрядились и явились героями.

Световик обращается к королю и королеве:

– Вот, дражайшие родители, вот ваши дочери и мои братовья. Я выполнил своё обещание. Теперь, как хотите. Где моя невеста?
– Она дожидает бракосочетания.
Световик повернул коня и обвенчался с прекрасной королевной.
Потом пиры пошли на весь город.
Я там был, мёд пил, по усам текло, а в рот не попало. (*Антон в трубке поковырял, стукнул об верстак: «Эта – ерунда ребячья».*)

Словарик

Воротами тянуть – механическое приспособление для вытягивая из воды рыболовецкой сети.

Выговорил коня – убедил дать коня.

Думщиков, сенаторщиков – членов думы, сенаторов.

Ереститься – сердиться, браниться, брюзжать, ворчать; задориться, лезть в ссору или драку, забиячить («Толковый словарь живого великорусского языка», В. И. Даль).

Имать (зверей, людей) – ловить, залучать, хватать, брать; собирать, взымать («Толковый словарь живого великорусского языка», В. И. Даль).

Напласть – класть плашмя.

Остопорить (стопорить) – остановить.

Подомовничать (домовничать) – остаться дома.

Поперешник (поперечник) – человек, который любит возражать, перечить.

Славутно – славно, положительно.

Сухарник – высохшее на корню хвойное дерево.

Тонь – место на водоёме, куда забрасывают рыболовецкую сеть; улов рыбы, получаемый при одной закидки сети.